БОРЬБА за КОРМЧУЮ: государство, общество, Церковь в эпоху Патриарха Никона

Хронология событий – с. 34; Наследие, на которое пришел Никон – с. 36; Церковно-гражданские труды Патриарха Никона – с. 38; Попечение Патриарха Никона о судьбах Православной Эйкумены – с. 41; Церковное строительство и миссионерская деятельность – с. 41; Архипастырское попечение о пастве и обществе – с. 42; Стяжание Святой Руси – с. 43; Патриарх Никон и наследие святых отец: борьба за Кормчую – с. 44; Заключение – с. 49

На протяжении более трех веков со дня кончины Патриарха Никона российское общество пробовало примерить на себя целый гардероб непохожих между собой одежд государственного устроения и типов национальной идеологии. Так или иначе, но все эти попытки сводились к уяснению соотношения самобытности российской культуры и ее «встраиваемости» в общеевропейскую, а затем и мировую культурную традицию. «Встреча с Западом», о которой, имея в виду XVI в., предшествовавший Патриарху Никону, как о переломном моменте истории Руси – России писал прот. Г. Флоровский, не только оказала особое влияние на формирование национально-государственного самосознания, но, словно лакмусовая бумага, выявила природные изъяны этого самосознания. В этом смысле личность Патриарха Никона представляется одной из самых важных для понимания всего, что связано с линией Запад – Восток, а точнее, Запад – Россия – Восток.

XVII век, время жизни и активной церковно-государственной деятельности Патриарха Никона, представляется многим исследователям переломной эпохой отечественной истории. Многие парадигмы отечественной истории, явленные как коллизии светской и духовной власти в России (не только и, наверное, не столько в отношении первенства одной из них), нужно учитывать в современных ситуациях, когда необходимость поиска известного баланса, например, в духовно-просветительной и образовательной, государственно-конфессиональной и нормативно-канонической, нормотворческой и правоприменительной областях является более чем злободневной. Здесь знание «теории» Патриарха Никона поможет избежать многих досадных ошибок[1].

«Применение» мировоззренческого и практического опыта Патриарха Никона вызывает интерес именно потому, что в его эпоху, как и в следующие за ней, неоднократно кардинально изменялся привычный ход российской истории. Незыблемым и очевидным при этом остается то, что опыт диалога государства и Церкви, явленный в практической деятельности Патриарха Никона, включает в себя возможные парадигмы развития типов отношений и в новейшей истории России, восходя при этом к иероавтократизму все еще пульсирующего концепта «Третий Рим Святой Руси»[2].

Хронология событий

1648 г., июль. Земский собор постановил составить новый свод законов – Уложенную книгу,

[1] См.: *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи: В 3 т. Варшава, 1931–1939; М., 1995 (репринт); *Он же*. Царская власть в России. М., 2004; *Palmer W.* The Patriarch and the Tsar. V. 1–6; History of the Condemnation of the Patriarch Nicon by a Plenary Counsil of the Orthodox Catholic Eastern Church, held at Moscow A.D. 1666–1667. Written by Paisius Ligarides of Scio. London, 1871–1876; *Idem*. Notes of a visit to the Russian Church in the years 1840, 1841. London, 1842.

[2] В основу церковно-государственных отношений в Московской Руси был положен принцип *симфонии* (нач. 42-й гл Кормчей): «Великия, паче иных, иже в человецех еста добра Божия, от Вышняго дарованы человеколюбия Божия, священство же и царство: ово убо Божественным служа, сеже человеческим владея и пекийся: от единаго же тогожде начала, обоя происходят человеческое украшающее житие, якоже ничто же тако бывает поспешнее царству сего ради, якоже святительская честь: о обоих самих тех присно вси Богови молятся; аще бо они непорочни будут во всем и к Богу имут дерзновение и праведно и подобно украшати начнут преданные им грады, и сущее под ними будет согласие некое благо, все еже добро человечестей даруя жизни; сему быти веруем еще священных правил блюдение сохранится, их же праведно похваляемии самовидцы, Божию славу предаша Апостоли и святии отцы сохраниша же и заповедаша».

чтобы по ней «всякие дела делать и вершить». Назначена комиссия по составлению Уложения во главе с князем Н.И. Одоевским. В основу многих статей Уложения легли челобитные дворян и детей боярских.

В своем «Возражении или Разорении...» Патриарх Никон писал: «А в прошлом, во 156-м году июля в 16-й день, Государь Царь и Великий Князь Алексий Михаилович всеа Росии самодержец, в двадесятое лето возраста своего, в третие лето Богом хранимыя своея державы, советовал со отцем своим и богомолцом Святейшим Иосифом, Патриархом Московским и всеа Русии, и с митрополиты, и со архиепископы, и епископы, и со всем освященным собором и говорил с своими государевыми бояры и с окольничими (л. 509об.), и с думными людьми, которыя статьи написаны в правилех святых апостол и святых отец и в градских законех Греческих царей, а пристойны те статьи к государьственным и к земским делем, и те бы статьи выписать, и чтобы прежних Великих Государей Царей и Великих Князей Росийских, и отца его, Государева, блаженные памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Росии, указы и боярские приговоры на всякия государьственныя и на земския дела собрать, и те государьския указы и боярские приговоры со старыми судебниками справити. А на которые статьи в прошлых годех прежних Государей в Судебниках указу не положено и боярских приговоров на те (л. 510) статьи не было, и те бы статьи по тому ж написати и изложити по его Государеву указу общим советом, чтоб Московскаго государства всяких чинов людем от болшаго и до меншаго чину суд и росправа была во всяких делех всем равна....

И то всем ведомо, что збор был не по воли, боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истиныя правды ради. А что по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексия Михайловича всеа Росии указу бояре князь Никита Иванович Одоевской с товарыщи, будто выписав ис правил святых апостол и святых отец и из градских законов Греческих царей и из старых Судебников прежних великих государей, к Царю приносили, и то он, враг Божий и всякой истины, все солгал. Ис правил святых апостол и святых отец и благочестивых царей градских законов ничево не выписывал, якоже и самыя та Уложеная (л. 515) беззаконная книга свидетельствует беззакание их. А где и написал, будто ис правил святых апостол и святых отец, и то солгал. Во апостолских и святых отец таковых правил нет, и во всей его книге ни единаго апостолскаго правила, ниже святых отец седми Вселенских соборов и прочих нет, ни благочестивых Греческих царей градских законов что любо, ниже от православных Великих Государей Царей и Великих Князей Руских, но все ново некое списание чюжде православия и святых апостол и святых отец церковных законов и православных царей Греческих градских законов. Да и сам той свидетелствует (л. 515об.) в своем ложном списании в десятой главе о суде» (см.: *Патриарх Никон*. Труды / Научн. исслед., подготовка документов к изд., сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М.: Изд-во МГУ, 2004).

1649 г., 3 октября. Земским собором текст Уложения принят и подписан членами Боярской думы, высшим духовенством, выборными из дворян и посадских людей. По государеву указу Уложение подписали Патриарх Иосиф, другие архиереи и весь освященный Собор, в числе которых и Ново-Спасский архимандрит Никон, хотя и был очень недоволен этим документом [см.: *Макарий* (*Булгаков*), *митр*. История Русской Церкви. Кн. 6. С. 375].

В «Возражении...» Никон писал: «И в нынешнем, во 157-м году октября 3-го числа Государь (л. 511об.) и Великий Князь Алексий Михаилович, всеа Русии самодержец, со отцем своим и богомолцом Святейшим Иосифом, Патриархом Московским и всеа Русии, и с митрополиты, и со архиепископы, и епископы, также и с своими государевыми бояры и с околничими, и з думными людьми того собранья слушал, и выборным людем, которыя к тому общему совету выбраны на Москве и из городов чтено, чтоб то все Уложение впредь было прочно и неподвижно. И указал Государь то все Уложенье написать на список и закрепить тот список Иосифу, Патриарху Московскому и всеа Росии, и митрополитом, и архиепископом, и епископом, и архимандритом и игуменом и всему (л. 512) освященному Собору и своим государевым бояром и окольничим, и думным людем, и выборным дворяном, и детем боярским, и гостем, и торговым, и посадским людем Московскаго государьства и всех городов Росийскаго государьства. А закрепя то Уложение рукама, указал Государь списати в книгу и закрепить тое книгу диаком Гаврилу Леонтьеву и Феодору Грибоедову, а с тое книги для утверждения на Москве во все приказы и городы напечатать многия книги и всякия дела делать по тому ж Уложенью».

Вопрос о составлении и принятии Уложения требует тщательных изысканий, поскольку до сих пор не учитывались ни существеннейшие свидетельства Патриарха Никона, ни круг источников Уложения. Не учтен, в частности, Литовский статут [кодифицированный сборник обычаев, постановлений земских сеймиков («урвал» и «устав») и королевских «привилеев»]. Он был опубликован в 1529, 1566, 1588 гг. На славяно-русском языке напечатан при участии Льва Сапеги под влиянием Люблинской унии [см.: Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мн., 1989]. Кроме того, возможно, что утверждальные подписи на Уложение были получены до того, как был читан окончательный его вариант.

1649 г., 7 ноября. Начато издание Кормчей [*Макарий* (*Булгаков*), *митр*. ИРЦ. Кн. 7. С. 120]. Макарий считал, что, может быть, именно по совету митр. Никона, имевшего уже тогда пред Государем

преобладающий голос в делах церковных, было начато печатание Кормчей (как бы в противовес Уложению)[3].

1650 г., 1 июля. Окончено печатание Кормчей, но в свет она так и не вышла. Митрополит Макарий дал ей такую оценку (ИРЦ. Кн. 7. С. 343): «Книга напечатана по спискам ее фамилии Рязанской, или Кирилловской, т.е. с правилами, большею частью сокращенными, и с толкованиями преимущественно Аристина».

1653 г., 15 июня. Патриарх Никон издал Кормчую для руководства духовенству и мирянам, прибавив к изданию 1650 г. дополнительные статьи. Никон уговорил Царя, чтобы эта Кормчая была разослана по церквам и всем воеводам с указом судить уголовные дела на основании Кормчей (для этого были сделаны и разосланы соответствующие из нее выписи). В это же время Никон добился и переиздания Уложения с некоторыми изменениями.

Мнение митр. Макария (ИРЦ. Кн. 7. С. 121): «По окончании печатания Патриарх Никон не дозволил тотчас выпустить ее в свет, а предварительно освидетельствовал ее вместе с митрополитами, архиепископами, архимандритами и игуменами. При этом освидетельствовании он сделал в ней немногие и неважные исправления и опущения, но зато сделал существенные прибавления. В начале книги прибавлена статья о происхождении патриаршества в России, ясно показывающая полную церковную самостоятельность и независимость Русского Патриарха наравне с прочими Патриархами. Помещены также краткое изложение церковной истории от апостольских времен до учреждения Патриаршества в России, Сказание о поставлении Патриарха Филарета, перечень всех российских Патриархов, включая самого Никона, и сказание о Римском отпадении. Под конец книги помещена грамота святого Царя Константина Папе Сильвестру (грамота оказалась подложной, но Патриарх Никон об этом конечно не подозревал), изображавшую, какими высокими правами и преимуществами будто бы наделил равноапостол Римского, а за ним и всех прочих Патриархов и как оградил неприкосновенность их власти и их имений по всей вселенной и укрепил навсегда до скончания века. В таком-то виде Кормчая и была наконец выпущена в свет».

В послесловии подчеркивалось, что книга сверена с греческой древней Кормчей и на л. 642–647 напечатано: «*...буди же вам, христоименитому достоянию, всем известно, яко да союз мира церковнаго твердо, в духе кротости, хранится и да будет, несогласия ради, распри в церковном телеси, сего ради многия преводы сия святыя книги, Кормчия, по свидетельству типографскаго дела, собраны тыма; в них же едина, паче прочих, в сущих правилех крепчайши, наипаче же свидетельствоваша тую книгу Греческая Кормчая книга, Паисий, Патриарх святаго града Иерусалима, якоже древними списцы написася, за многая лета, ему же, Патриарху Паисию (в те времена) бывшу в царствующем граде Москве; в толкованиях же святых правил, во всех преводех, яко друга друзей вси согласуют. И егда убо (Божию благодатию) святыя сия книги Кормчия, в совершение приидоша, союза и согласия и дабы не было в Церкви Божии распри, свидетельствова ю, Великий Господин, Божиею милостию, Святейший Никон, Патриарх царствующаго града Москвы и всея Великия Руси, со своими его, о Святем Дусе, сыновы и сослужебники, с преосвященными митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены: и яже в неисправлении неученена быша, сия вся исправльше, во едино согласие все сочеташа. И тако повелением Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея Руссии Самодержца, и по благословению отца его и богомольца Великаго Господина, Божию милостию, Святейшаго Никона, Патриарха Московскаго и всея Руссии, святых сих книг тысяща двести выданы суть, во святыя Божии церкви, ко умножению славы великаго в Троице славимаго Бога, и Пречистыя Богородицы, и всех святых; и научению же и исправлению освященным архиереом, и иереом, и прочим церковным питомником, и всем православным христианом, ко спасению душевному; и согласию же и к соединению благосу сочинению Церкве, яже содержит, по преданию святых апостол и святых богоносных отец, седми Вселенских соборов и прочих Поместных*» (см. также: *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 117).

Наследие, на которое пришел Никон

Хорошо известны последствия, которые имело для жизни общественной и государственной Смутное время. Возросли на предрассудках, воль-

[3] См.: *Аполлос, архимандрит.* Начертание жития и деяний Никона, Патриарха Московского и всея России (М., 1845. С. 51–53). Там сказано: «Учрежденный Царем Монастырский приказ мало-помалу начинал судить лица духовныя и их волости, опираясь на Уложение». Патриарх Никон выступал с резкой критикой Уложения. Вот одно из свидетельств: «Гневно выражался о новом порядке дел Никон, особливо когда и церковныя некоторыя распоряжения опровергаемы были Государем. Полоцкий Богоявленский монастырь, мимо ведения Патриарха, хотя зависел от его лица, Государем отдан был тогда в управление Каллисту, Епископу Полоцкому. Сверх того, открылись тайныя какия-то неудовольствия у Государя с Патриархом, к коим, вероятно, относится и сопротивление Никона желанию Царя расторгнуть брак свой с Царицею Мариею Ильиничною (*Иннокентий, епископ.* Церковная история. Т. II. С. 569). К довершению оскорбления Царя и раздражения Патриарха, еще одно обстоятельство усилило то и другое: какой-то дворянин, осужденный на смерть за убийство, прибегнул к защите царскаго духовника; духовник просил Государя о помиловании, но получил отказ в просьбе, запретил ему причащение Святым Тайнам. Царь жаловался Патриарху, а Никон оправдал решение духовника» (*Арцыбашев.* Повествование о России. Ч. II. С. 144). См. также: Отзыв Патриарха Никона об Уложении Царя Алексея Михайловича // Богословские труды. 1982. № 23; *Патриарх Никон.* Труды. М., 2004. С. 971.

нодумстве и страстях разнузданность, безначалие, своеволие и властолюбие, обмирщение жизни церковной и общественной. Корыстолюбие бояр поддерживалось их своеволием, непослушанием власти и законам. Царь Михаил Федорович и особенно его отец – Святейший Патриарх Филарет – смиряли непокорных бояр и приводили их в должные пределы подчинения и повиновения.

Первыми Романовыми впервые в отечественной государственной и церковной истории в основу церковно-государственных взаимоотношений был положен принцип симфонии. Так, 42-я глава Кормчей (из Предисловия к VI новелле императора Юстиниана) постулирует: «*Ничтоже тако бывает поспешнее царству сего ради, как святительская честь*», т.е. процветание государства обусловливается его отношением к Церкви: почитая Церковь как утвердительницу высших целей жизни, государство закладывает главные основы своего благополучия. Указанная формула постулирует, а не обязывает стороны к руководству этим принципом, но требует распределения и разграничения компетенции Церкви и государства и определения соотношений между их органами. На практике доминировать в этом неразрывном союзе может то Церковь, то государство, то Царь, то Патриарх... Святейший Никон верно подметил, что самостоятельное распоряжение Государя в делах церковного устройства есть принцип не православный, а протестантский и исторически обусловлен у протестантов отсутствием церковной иерархии.

Но господствовавший тогда в большей части царедворцев дух непокорности перешел и в царствование Алексея Михайловича. Юность Царя дала новую свободу развитию своеволия бояр, которое помрачило первые годы нового царствования, а позже пустило прочные корни выработкой и принятием Соборного Уложения[4]. Время, как и бремя, было далеко не простое: Русь вступала в период укрепления централизации государственного и церковного управления. С целью воссоздания православной цивилизации как субъекта мировой истории и политики, восстановления кафоличности Русской Церкви со Вселенским православием проводилась реорганизация системы законодательства и регулирования, судопроизводства и государственно-территориального единства православных славянских народов. Уделялось большое внимание усилению активности и мощи государства в экономической, военной, идеологической и внешнеполитической сферах жизни. Все это в совокупности благоприятствовало становлению феодального абсолютизма и формированию Российской империи на экклесиологических принципах как одной из сильнейших мировых держав, способной отвечать новому миропорядку – системе Вестфальского мира, а впоследствии и гарантировать его.

Именно в этот сложнейший период жизни Руси при дворе появился Никон, и многое изменилось – слово Царя стало «*во дворце добре страшным, и исполняется без замотчания*»[5]. Бояре осознали не только то, что все меньше и меньше будет места для их своеволия и влияния на государственное управление, но и то, кому за это быть благодарными. Вскоре они ощутили на себе великое новшество. Началась война с Польшей, и Патриарх был оставлен регентом и кормчим государства. Без его согласия не решалось ни одно сколь-нибудь значимое дело. Бояре приходили к Патриарху всякое утро, а при опоздании дожидались на крыльце своей череды[6]. Отныне принципом государственного управления должно было стать совещательное единоначалие.

Богобоязненный и благочестивый юный Монарх довольно скоро понял, что Никон с его природными дарованиями будет тем соработником, который осилит укоренившиеся предрассудки, уничтожит возрастающее зло и на их развалинах сможет возводить и утверждать принцип христианской истины, врачуя недуги привитием живого богомыслия и восстановлением полноты единства древненасажденного православия Руси с православием Вселенским. Он своей твердой волей и неложным направлением вырвет душевредный куколь самоизоляции, обрядоверия и мнимостей из захиревшей нравственной почвы в стяжаемой Святой Руси в путях боговдохновенного Ромейского царства. Патриарх Никон, как достойный избранник Небесного Владыки и земного Царя, сознавая свои обязанность и долг, с ревностью потрудится для блага Христовой Церкви и Отечества[7].

[4] Уложение Государя Царя Алексея Михайловича. М., 1649.

[5] Акты архергаф. экспедиции. Т. IV. С. 57; ср.: Библиотека для чтения. Т. XV. Ч. III. С. 111.

[6] См.: *Алеппский Павел, архидиакон.* Путешествие Антиохийского Патриарха... // Библиотека для чтения. Т. XV. Ч. III. С. 109.

[7] Напомним здесь лишь одно: недаром Патриарху Никону за его ревность в делах Церкви и Отечества Государь постоянно оказывал достойное благоволение и особую доверенность, а правомыслящие и рассудительные потомки чтут его имя как величайшего из Святителей Церкви Христовой и величайшего из граждан, послуживших обществу и государству Российскому.

Церковно-гражданские труды Патриарха Никона

Изменявшиеся сознание и дух народа вызывали к жизни новое состояние и организацию всего общества и государства. Предчувствуя и предвидя «*перемену в жизни царства*», Святейший Никон соборным решением приступил к народному просвещению и восстановлению церковно-общественного благочиния, обрядовой и книжной справ. «*Православная Церковь приняла свое совершение не только по благоразумию и благочестию догматов, но и по священному уставу церковных вещей; праведно есть нам истреблять всякую новизну ради церковных ограждений,* – отвечал Никону Паисий, Патриарх Константинопольский, – *ибо мы видим, что новины всегда были виной смятений и разлучений в Церкви; надлежит последовать уставам святых отец и принимать то, чему мы от них научились, без всякого приложения или умаления. Все святые озарились от единого Духа и установили полезное; что они анафеме предают, то и мы проклинаем; что они подвергли низложению, то и мы низлагаем; что они отлучили, то и мы отлучаем; пусть православная великая Россия во всем будет согласна со Вселенскими Патриархами*»[8].

Собрав в Андреевском и на Печатном дворе все потребное для решения этих поистине великих задач и приобщив к сему делу мужей ученых из греков и малороссов[9], Никон приступил к изданию выправленных книг[10]. Трудами же Арсения Грека начался перевод житийных, богословских и исторических книг. Первой из них был толковник

---

[8] Ответы Паисия, Патриарха Константинопольского, на вопросы Никона, Патриарха Московского и всея Руси // Христианское чтение. 1881. Кн. 1.

[9] Цель призвания в Москву Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого была не только ученая, но и учебная. Занимаясь переводами душеполезных книг с греческого на славянский язык, они должны были, кроме того, обучать московское юношество свободным наукам.

[10] Таковы: Служебник. М., 1652; Каноник. М., 1652; Триодь цветная. М., 1653; Апостол. М., 1653; Евангелие. М., 1653; Кормчая. М., 1653; Минея общая. М., 1653; Скрижаль. М., 1655–1656; Служебник. М., 1655; Триодь постная. М., 1656; Псалтырь следованная. М., 1658; Требник. М., 1658; Минея общая. М., 1660; Триодь цветная. М., 1660; Анфологион, *сиесть Цветословие страдальчества и мучения... переведена суть и исследована с еллино-греческаго языка на словенский монахом Арсением Греком*. М., 1660; Брашно духовное. Ивер. мон-рь, 1661; Каноник. М., 1662 г.; Святцы (*Месяцеслов*). М., 1662; Библия. М., 1663; *Иоанна Златоустаго*. О Священстве. М., 1664 г.; Святых Григория Богослова Поучения, Василия Великаго на Шестодневник, Афанасия Александрийскаго Слова на ариян, и Иоанна Дамаскина книга Небеса / Пер. с греч. иером. Епифания Славинецкаго. М., 1665. См также: Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описям библиотеки графа Ф.А. Толстова и купца И.Н. Царского / Изд. П. Строев. М., 1841; Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова / Сост. А. Попов. М., 1872, и др.

В Послесловии к *Постной триоди* говорится: «Еже елико можно по дарованию Духа исправити с греческих и харатейных славенских и сербских древних книг, в чинех и речениях и во орфографии, во именах же и глаголех и прочих частех словеснаго любомудрия, первую такову изданную исправлением, якоже в книзе сей видети есть; от себе же ничтоже совнесоша, далече бо от них таковая дерзость, боящеся клятв, нанесенных от святых Отец, разве якоже Восточная святая Церковь содержит исправиша. К тому же и за сие дивишися лепо, кому и благодарити Творца, якоже ничтоже препят усердия и тщанием их, еже к доброму сему делу, исправити и начати, творити же и совершити, ниже некия неудобоносимыя о строении и содержании великаго государьства нашего, яже на всяк день же и час стужаемыя им, ниже сетование смертоноснаго времене, ниже настоящая брань со враги; но вся сия победища, любовию Божиею и ближния побеждени бывше, им же за сие никтоже может равною мерою воздаровати, разве от горе мзды да испросит. Елико же кто вас, православных читателей Иафефо-Российскаго народа, со благодарением сие дело от иных приемше, елико кто изообилует дароваием родоязычия, хвалу, елицы простотою благодарение, елицы внутренними упражняющися молитвы, воздадите и Бога похвалите, даровавшаго нам в сия времена таковых поборителей Церкви, и испросите им свыше от Него бдагословение и помощь, еже во многая лета благоугобзителное же и благодарственное пребывание, и ового убо да возвысит десницу на стужающие ему враги его, овому же да воздарует бодрость, премудрость же и остроумие, яко да блюдет вверенное ему стадо, право же да правит святую Церковь; нас же смиренных, труждающихся в сем начинании и промышляющих, исправляющих же и делающих, да благословит и в болшее тщание укрепит и удовлит, чтущия же прочее сию святую книгу и ползующиеся от нея небесным упокоением да возмездит и имена их в книги живота да напишет, аминь); Ирмологий. М., 1657 (в *послесловии* – «Пристежении к читателю»: «Благодатию и помощию всесилнаго Бога, молитвами же неусыпными Пресвятыя Богородицы и всех Святых, сию богодухновенную песнословлений книгу, глаголемую Ирмологий, и прочия божественныя в ней песни, елико по вместному нам от Бога данному разуму изследивше, с греческих текстов (преводов) преложихом на славенский диалект ново, тебе, православнаго читателя, с покорением любезно молим, яко аще вникнув в ню, обрящеши яково в чесом сумнителное тебе, да не предвариши осудити или укорити нас, но прежде, аще сам еси искусен греческа диалекта, аще ли ни, то сведущим вникнув в его преводы, ищи в них опасно лежащаго разума, и оттуду познаеши истину; аще ли же где и узриши яково погрешение, ниже о сем да усумнишися, понеже внове и первое от греческа мудра и славна диалекта на

о всех священнодействиях и предметах церковных – Скрижаль[11]. Затем началась работа над объемлющим события ветхозаветной и христианской истории до падения Константинополя и несколько далее Хронографом. Царь находил нужным и полезным распространение среди духовенства верных церковно-исторических сведений, поскольку это способствовало народному просвещению. Дело в том, что в то время в славяно-русских Хронографе и Палее XVI и XVII вв. было множество самых нелепых басней и апокрифических сказаний, а в ветхозаветной истории – и вовсе несогласных с библейским повествованием*. Царь повелел его напечатать. К изданию были подготовлены переведенные экземпляры Хронографа, но почему-то это предприятие осталось неисполненным[12].

В это время Святейший Патриарх Никон приступил к реализации еще одного масштабного проекта, имевшего большое значение для Российского государства и общества, – была сведена воедино историческая Летопись, получившая впоследствии именование «Никоновская». Отдавая Летопись в Воскресенский монастырь, Святейший сделал скрепу: «*Лета 7169* (1660–1661) *сию книгу положил в дом Святаго Живоноснаго Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христова, новаго Иерусалима, смиренный Никон, Божиею милостию Патриарх. А кто восхощет ю усвоити, якоже Ахарь, сын Хармиев, или утаити, якоже Анания и Сапфира: да отымет от него Господь Бог святую свою милость и да затворит двери святых щедрот Своих, и да приидет на него неблагословение и клятва, и казнь Божия душевная и телесная в нынешнем веце, и в будущем вечная мука. А кто сие писание каким злым умышлением испишет от книги сея, да испишет его имя Господь Бог от книги животныя*» (см.: Журнал Министерства народного просвещения. Ч. LXIV. С. 3). Трудам Святейшего Никона приписывают также Канон молебен о соединении веры православныя и молебное пение о умирении Церкви святыя Восточныя, Слово к читателям о крестном изображении и Брашно духовное, сиречь псалмы, молитвы и каноны и пр., собранные от многих святых книг, зело нужныя и душеспасительныя.

Давно замечено, что на чистоту и твердость веры многих наших соотечественников того времени имел неоднозначное влияние запад Европы, с которым Русь тогда вступила в тесное взаимодействие[13]. Но особенно ощутимым оказалось это влияние в высших сословиях общества, где церковные уставы

многородословный славенский диалект издахом ю. К сему же и ради желающих ю вскоре видети с великим трудихомся в деле ея, еще же и от упражнения дела ея, настоящаго сего лета к двадесятим бо и мало что к сим седмиц не сподобихомся совершити ю; к тому же и иных ради препятий, о них же глаголем, многия иныя книги, яже исправляхом во время делания ея, немало препяша нас добре исправити ю. *И сих ради вин, их же предрехом, аще где и случися яковому чесому привпасти поползновению, молим, да не будеши и о сем зазирати: ведают бо искуснии, яко преложение, аще и не от мудра языка во ин, многа времене и снискания требует, множае же паче художный; но паче любовию и кротостию да призриши, исправи умом своим, и не един точию, но со множайшими мудрости сея достойными и искусными, молитвою же от нас вперися к вышнему Богу, иже всякому делу начало есть и конец, яко да подаст нам разум и бодрость, аще восхощеш в прочее время, паки издати честности твоей сию книгу, исправити добрее в речении же и орфографии. Да не почюдитижеся и чина разньству в книзе сей и за еже излишним быти в ней ирмосом прежде бывших в нас книг Ирмологиев*: во всем бо рачение имехом, якоже в речении, сице и в чине греческих преводов, якоже Восточная Церковь содержит последовании, и сего ради, повелением Великого Государя Святейшаго Никона, Архиепископа Московскаго и всея Великия и Малыя и Белыя России Патриарха, сице и положихом».

[11] Скрижаль осветила и наполнила глубочайшим и духовным смыслом то, что считалось на Руси священной традицией, переданной с верой от Греческой Церкви. Став ранним толковым словарем, она дала опыту русского миросозерцания символическое, таинственное толкование храма и Божественной литургии, которое подытоживает развитие византийской теории образа Дионисия Ареопагита, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, Симеона Солунского, Исидора Пелусиота, других отцов.

* В свое время Ю. Крижанич также писал Царю, что он сумеет доказать погрешности русских летописей, сумеет исправить и опровергнуть клеветы и *некоторыя мерзкия злоглашения о русских*, распространенные Олеарием и другими авторами, и напишет *историю правдиву и совершенну сего царства и всего народа славянска* [см.: К истории сношений России с Ватиканом в царствование Алексея Михайловича / Сообщ. В. Т. // Русская старина. 1907. 12. С. 679–703].

[12] См.: *Аполлос, архим.* Начертание жития и деяний Никона, Патриарха Московского и всея России. С. 43; Патриарх Никон // Словарь писателей духовного чина.

[13] См.: *Архангельский А.С.* Из лекций по истории русской литературы: Литература Московского государства (кон. XV–XVII в.). Казань, 1913; *Он же.* О Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 (7156) года в отношении к Православной Русской Церкви. СПб., 1881; *Бусева-Давыдова И.Л.* Культура и искусство в эпоху перемен: Россия семнадцатого столетия. М., 2008; *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства: В 2 т. СПб., 1861; *Он же.* История русской литературы: Лекции, читанныя Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860): Вып. 1–3. М., 1906; *Соболевский А.* Образованность Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1894; 1903; *Он же.* Переводная литература Московской Руси: XIV–XVI вв. СПб., 1903; 1917; и др.

по преимуществу и не соблюдались: являлись здесь органы латинские и итальянские иконы, писались пещные действия и пьесы для комедийных постановок[14]; «ближние бояре и окольничие Царя Алексея Михайловича, путешествуя безпрерывно по Европе, привозили в Отечество свое новыя открытия относительно к утонченности нравов, роскоши и внешним наслаждениям»[15].

Да и сам Царь, в период войн (1654–1667) побывавший в Витебске, Полоцке, Могилеве, Ковно, Гродно и особенно в Вильно и других западных территориях, ознакомившись здесь с новым образом жизни, по возвращении в Москву стремился активно вводить перемены в придворной обстановке. Внутри дворца появились обои (золотые кожи) и мебель на немецкий и польский образец (снаружи резьба не производилась, а лишь на поверхности дерева она по русскому обычаю становится теперь фигурной, во вкусе рококо).

Мог ли равнодушно смотреть на отступление бояр от священной древности и общественных устоев, чуждых отеческим традициям, Первосвятитель – ревностный поборник православия Никон?

Уже было кратко сказано о действиях Патриарха по восстановлению благочиния. Упомянем же здесь о его решимости в борьбе с органами, немецким платьем, фряжскими иконами[16].

Патриарх Никон, довольно рано усвоив иконописные традиции, имея опыт иконописания, останется ревностным почитателем древних канонов и поборником византийского иконописания, подобно всем предшествовавшим ему Первосвятителям. Возникшее в период середины – конца XVII в. стремление к утонченности вкусов и нравов приводило к введению в обиход мнимокрасивого, но для глаза прелестного. Сказалось это влияние и в сфере иконописания. Ревность Святейшего в деле сохранения древних иконописных традиций понятна и не удивительна, так как итальянские и немецкие художники того времени очень часто писали на иконах самих себя или своих знакомых в виде избранного для написания святого и, кроме того, как при изображении ликов они не следовали канону, так и вместо древних изображали на них современные новейшие одежды.

Вместе с тем заметим, что Никон не был ограниченным реакционером, как иногда его представляют. Понимая значимость наук для общественного прогресса, он радушно приветствовал все передовое в науке и технике, увлеченно заимствуя и внедряя также достижения в Отечестве. Так, в Иверском монастыре была заведена типография, перемещенная из Оршанского Кутеинского монастыря[17], туда же было доставлено диковинное металлическое древо жизни с двигающимися на нем птицами и животными. Впервые в России при строительстве монастыря Нового Иерусалима началось производство многоцветной керамики, технология изготовления которой быстро распространилась по всей Центральной России; организована бумажная мельница – началось производство картона. Закупалось новое оружие для перевооружения армии, велось обучение войска новой тактике. Нельзя не упомянуть и о формировании в стенах монастыря Нового Иерусалима литературно-художественной школы и научной традиции, породившей просвещение с такой живостью и энергией, какой много веков не было в умственной жизни Северо-Восточной России. Все это знаменовало наступление Нового времени в нашей истории.

Понимая сложность исторического момента для жизни народа в его социальной организации, Святейший стремился к сохранению богатейшего культурно-исторического наследия, которое считал

---

[14] См.: Древняя Российская Вивлиофика. СПб., 1788. Ч. VI. № XVIII. С. 363–390; 1789. Ч. VIII. С. 158–169, 187–328; Ч. IX. С. 462–476 и в других частях.

[15] *Берх В.*Ч. I. С. 223; ср.: СГГиД. № 55, 129. См.: ЧОИДР. 1846. № 1. Иностранные материалы. С. 13.

[16] См.: *Берх В.*Ч. I. С. 222–223; Домострой. М., 1991. Гл. VIII; *Порфирьев И.Я.* Домострой Сильвестра // Православный собеседник. 1860. Ч. III; Памятники Московской древности. Ч. I. С. 73; Исследование о русском иконописании. С. 52; Библиотека для чтения. Т. XV. Отд. III. С. 110–111; *Анатолий, прп.* Об иконописании. С. 94–95; Грамота Патриарха Иоакима // Акты экспедиции... Т. IV. № 200; Челобитная Сильвестра // Акты Археографической комиссии. Т. I. № 23; Записки археолого-нумизматического общества. 1848. Кн. III. С. 181–210.

[17] Кутеинский монастырь был крупнейший религиозно-просветительным центром Литовского края – Белой Руси, имевшим богатейшие духовные традиции и связи с многими восточными и европейскими культурными центрами. В монастырской типографии к моменту перевода Кутеинского монастыря в Иверский были выпущены: Часослов, 1632; Житие святых Варлаама и Иоасафа, 1637; Октоих, 1646; Трефологион, 1647; Псалтирь, 1650; Псалтирь и Новый Завет, 1652; Лексикон Словено-Российский, 1653; Дидаскалия, 1653; Диоптра, 1654.

необходимым для дальнейшего развитии и через него – для адаоптации тех новшеств, которые хлынули со всех сторон в народную жизнь. С этой целью при монастырях организуются ремесленные производства и училища, библиотеки, печатаются учебные, просветительские, исторические и уставно-канонические книги, среди которых и Кормчая.

Попечение Патриарха Никона о судьбах Православной Эйкумены

Масштабная деятельность Патриарха была подчинена величию той задачи, ради которой и был промыслительно воззван и возвеличен Никон[18], – ради созидания Святой Руси – хранительницы Вселенского Православия в пределах Ромейского царства, которое отныне будет в Москве, утвержденной Третьим Римом[19].

Формула «Третий Рим» свидетельствует об осознании единства христианского мира и христианской Церкви, когда *национальное* и *вселенское* еще не превратились в оппозиционную пару Нового времени: Русская Церковь – часть Церкви Вселенской и отношения Русской Церкви ко Вселенской – основной смысл истории Русской Церкви, если не вообще русской истории[20]. Но все же Московскому царству – третьему Риму грозит разрушение, полагал Святейший[21], *ибо, «как раньше была разрушена Мидийская империя Вавилонской, Вавилонская – Персидской, Персидская – Македонской, а Македонская – Римской, так эта последняя будет разрушена антихристом, а он – Христом. Восстанет народ на народ и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это – начало болезней. Видишь, что положено; не все ли это применено к нам?»*

В апостасии Никон видел знаки наступления антихристова царства и грядущую гибель Отечества. Он боролся с этим самыми различными мерами: мольбами, протестами, анафемой на правонарушителей, грозными пророчествами, отряхиванием праха от ног своих, своим удалением с кафедры и непреклонной стойкостью в посылаемых на него гонениях и т.д. Но сущность выхода – в освящении, оцерковлении всей полноты жизни, не только личной, но куда более важно – общественной.

Церковное строительство и миссионерская деятельность

Расширившееся в своих пределах Отечество вмещало множество разноплеменных народов, многие из которых не имели просвещения словом Христова Евангелия. На ниве апостольского служения потрудились многие из русского духовенства. Так, Сибирь с конца XVI в., со времен покорения Иоанном Грозным, была главной, обширнейшей и плодороднейшей нивой, где наши пастыри насаждали православную веру. Еще в те далекие времена Царь и Великий Князь Иван Грозный предписывал Вологодскому епископу послать туда священников для распространения христианства[22]. К царствованию Бориса Годунова и первых Романовых вера Христова утвердилась даже в отдаленных концах – были построены новые города, основаны церкви и монастыри[23]. Патриарх Филарет учредил

[18] См.: *Шмидт В.В.* Воззрения и труды Патриарха Московского и всея Руси Никона (Святая Русь: от третьего Рима к Новому Иерусалиму) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 2001. № 4; *Он же.* Никон, Патриарх Московский, и его Воскресенский монастырь Новый Иерусалим // Богословские труды. 2002. № 37; *Он же.* Никон, Патриарх Святой Руси // Православное Приволжье. 2007. № 3, 4.

[19] Отныне третий Рим – Русское государство, Ромейское царство, Святая Русь, Русская Церковь – призваны проявить пространственную глубину и длительность, историческую протяженность в полтора тысячелетия, сущностно утвердить переход к России функции «недвижного, неразрушимого» Ромейского царства, в котором пребывает истинная вера и которое остается хранителем подлинного константинопольского наследия, его духовного содержания, без каких-либо претензий на Константинопольское царство, или Римскую империю. По Филофею Псковскому, сама же Церковь в третьем Риме обретает покой, но терпит здесь обиды, внутренние опасности, выражающиеся в *беззаконии и неправде* как следствиях нарушения правовых норм, канонических постановлений. См.: *Ефимов Н.И.* «Русь – новый Израиль»: Теократическая идеология своеземнаго православия в до-Петровской письменности. Казань, 1912; *Синицына Н.В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998, и др.

[20] См.: *Приселков М.Д.* Митрополит Макарий (Булгаков) и его «История Русской Церкви» (1816–1916) // Русский исторический журнал. 1918. № 5. С. 194.

[21] Мысли Русских Патриархов от начала до наших дней. М., 1999. С. 36–114, 91.

[22] См.: История Российской иерархии. Т. IX. С. 396; *Миллер.* История Сибири. Т. I. С. 149.

[23] См.: *Миллер.* История Сибири. Т. I. С. 354, 359; Акты исторические. Т. II. С. 59, 418; Т. III. С. 140, 407; Т. IV. С. 151.

отдельную Сибирскую епархию[24], а Святейшему Патриарху Никону суждено было довершить это святое и Богоугодное дело церковного строительства. Он утвердил веру Христову в самой столице сибирских остякских князей и основал здесь центр веры для всех прочих сибирских племен. В г. Конде в ответ на просьбу 14 остякских волостей о присылке к ним священников и иноков на месте тамошней деревянной церкви утвердил в 1653 г. Троицкий Кондский монастырь с каменной церковью[25].

Пастырское попечение и заботы по церковному строительству Святейшего Никона распространялись и на христиан в странах Приволжских, занятых татарами, черемисами и мордвой – народами, которые с древнейших времен были под омофором Сарайской епархии (основана в 1261 г.).

Еще со времен своего митрополичьего служения Никон просил Патриарха Иосифа посвятить Мисаила на Рязанскую епархию и, когда сам стал Предстоятелем, не оставлял своего назирания в деле окормления православных народов Приволжья, а Мисаил в деле том был ему ревностным соработником: с помощью Божией в Шацком и Тамбовском уездах было крещено 4200 человек мордовского и татарского народа (по благословению Никона преосвященный Мисаил переезжал в святительской одежде из одного селения в другое). Проповедуя в иноверческой среде Евангельское слово, в одном из сел, просветив 315 человек из мордвы, был зверски убит упорнейшими из суеверов. Пронзенный стрелами, преосвященный Мисаил в предсмертных мучениях не переставал вразумлять заблуждающихся обратиться к вере во Христа Спасителя и скончался мученком веры; ныне он по праву считается апостолом (просветителем) и небесным покровителем мордовского народа[26].

Не осталась без Святительского смотрения и принадлежавшая в те времена Патриаршей области удаленная от нее и обширнейшая Вятская область, где среди множества населявшего ее народа весьма стойко сохранялись языческие верования. Открыв средство исправить положение, Святейший слил ближайшую к Москве Коломенскую епархию с Московской, а вместо нее учредил новую епископию – Вятскую и Великопермскую, к которой Царь отписал из ближайших селений столько же душ и селений, как было в Коломенской. *И сие дело*, свидетельствует Святейший, *сделано к Божественной славе и Божиим людям ко спасению*. Первым святителем на новооткрытой кафедре стал епископ Александр[27].

Архипастырское попечение о пастве и обществе

Согласно православию, «*Патриарх есть жив и одушевлен образ Христа, делы и словесы живописуя в себе истину; первее убо (*он должен*) их же от Бога прияти, во благочестии и чистоте житие сохранити*». Святейший Патриарх Никон был именно таким пастырем. Он всеми возможными средствами добивался обожения (воцерковления) всей жизни и жизни всякого человека в ее полноте. Ради этой богоугодной цели в своих «Духовных наставлениях христианину», адресованных Царю, он дал наставления всякому христианину (в высокой или низкой степени общественного служения), как организовывать жизнь в своих отношениях.

К Богу: «...почитати и славити Бога, иже волю Его делаяй. Обезчещает же преступаяй Того закон (Ин. 56, Мф. 11, Фил. 236);

аще и мнит кто исповедати Господа и слышати слово Его, не покоряет же ся заповедем Его, осудися, аще и в дарованиих духовных некоего строения ради будет прощаем (Мф. 23, Лк. 28, Тит. 301, Як. 53);

иже о малых не веруяй Богови явлен есть много первее о лучших не веровав (Ин. 8, Лк. 81);

не подобает небрещи влагающих разум со вниманием Господняя словеса слышащему внимати и творити хотения Его (Мф. 61, 51, Мк. 29, Ефес. 229, Лк. 68);

подобает христианину не боятися и подвизатися во обстоянии, ниже возвышатися о еже на Бога уповании, дерзати ж, яко Господу предстоящу и яже о нем устрояющу и Святому Духу учащу и, даж и до ответа еже к сопротивным (Мф. 37, Лк. 64, Мк. 18, Деян. 14, 2Кор. 168);

не достоит преданием человеческим последовати и отметати заповеди Божия;

подобает учительство заповедей Господних сице приимати, яко живот вечный и Царствие Небесное, и усердно делати тыя, аще и болезнь быти мнится (Ин. 45, Деян. 35);

---

[24] См.: История Российской иерархии. Т. I. Ч. I. С. 231.

[25] См.: *Спасский*. Список с чертежа Сибирской земли. С. 3, 26; История Российской иерархии. Т. IV. С. 549–553, 602, 609; Историческое обозрение Сибири. Кн. I. С. 190.

[26] См.: *Воздвиженский*. История Рязанской епархии. С. 122–129.

[27] См.: *Платон, митрополит*. Церковная история. Ч. II. С. 246; Любопытное известие о Вятской епархии // ЧОИДР. 1848. № 7.

подобает врученным проповеди евангельстей с молением и молитвою приседети, аще диаконом, аще пресвитером, неповинным и искушенным перваго жития (Мф. 34, Лк. 23, 50, Деян. 1, 2; 1Тим. 283, Тит. 300).

В «Возражении...» Святейший также говорил: «*Слышели, коликая дарования архиереи имут от благодати Святаго Духа, яже священное слово показа, яко архиереи подобники Божия... Иже чтит иерея, чтит вышняго Бога, понеже иерейская честь на Бога восходит. Да аще убо тако к простым иереом завещание и повиновение подобает соблюдати, колми паче ко превозходящим честию, наипаче же сему ныне святопомазанному превысокому Патриарху, отцем отцу и крайнему святителю. Его же сан святительства не точию зде, но и в самом небеси мощен есть по божественному Спасову речению: иже бо аще свяжете, рече, на земли, связан будет на небеси, а иже разрешите на земли, на небеси разрешено будет. И да никто же, речет, яко ко апостолом единем сия речена суть, но и ко всем хотящим быти преемником сих, иже убо от апостол и доныне хранимо и соблюдаемо ненаветно в православных, ему же милостивый Христе буди и соблюдатися и хранитися и хранитися и до втораго Твоего и страшнаго пришествия, паче же и молю соблюдатися сему непременно и до скончания века*».

К себе самому и ближним: «Не достоит первее себе исправляти якоже любаго согрешения и потом обличати или судити (Мф. 20, Ин. 28, Лк. 27, Рим. 81);

достоит вовремя удалятися наветующих, попустивый бо впасти во искушение извод сотворити, иже волю Божию молитвою просити (Мф. 9, 8, 10, 35, 37, Лк. 14, Ин. 8, 1Кор. 145, 194, Деян. 17, 22, 29, 38, 33, 18; 1Тим. 287, 295);

не подобает себе смиряти во искушения прежде времене от Бога прощенаго, но молитися не внити во искушение (Мф. 17, Ин. 25, Лк. 109);

подобает христианину во искушениих, от коегождо наводимых, ему поминати, иже в богодухновеннем Писании к предлежащему реченое, сице неискушена себе блюсти и сопротивныя упражняти;

– подобает радоватися всякому спострадающему даже до смерти имени ради Божия и заповеди Его (2Кор. 168, Мф. 10, Лк. 24, Деян. 15; 1Кор. 251);

не достоит оставляти о благочестии подвизающияся (Ин. 55; 2Тим. 291, 299, Мф. 61, 106, 10, Лк. 25, 107, Рим. 81, 111, 110; 1Кор. 134, 256, 288; 2Кор. 196, 181, 197, Ефес. 227, 224, Кол. 257; 1Тим. 279, 283, 287; 2Тим. 295, Тит. 302, 301, 202, Гал. 213, Фил. 239, 247, Евр. 333);

не достоит у рукоположенних благоудобном быти, ниже непокровенне на та приходити, не бо безбедно есть неискусное, водящаго же ся о нечесом являвати, да ниже той причастится греху, ниже прочии отсечени будут, но паче боятися навыкнут (1Тим. 287, 286);

не достоит инаго учити (Ин. 36);

подобает вся предвчиненная от Бога в Евангелии и от апостол учити веровавшая и елика сим последующая (Мф. 116);

иже не покаряются иже от Господа посланным, но досаждают, не даже до сего стают, но возводят на пославшаго их и суд себе горший паче содомлян и гоморян содевают (Мф. 35, Лк. 51);

подобает обличение и запрещение сице приимати, яко лечбу чистителну страстем и здравие соделовающу. Отнюду ж яве иже страстию человекоугодия доволне одержимии и не обличающе согрешающих, всячески оттщетеваются и в самую истинную жизнь наветуют (Мф. 75; 1Кор. 132; 2Кор. 183)».

К государству и властям: «От вышняго дарована человеколюбия Божия, священничество же и царство, ово убо Божественным служа, се же человеческими владея и пекийся. От единаго же и тоегожде начала обоя происходят, человеческое украшающе житие. Якоже ничто же тако бывает поспешнее царству сего ради, якоже святительская честь, о обоих самех тех присно Богови молятся. Аще бо они непорочни будут во всем и к Богу имут дерзновение и праведней подобно украшати начнут преданыя им грады и сущая под ними, будет согласие некое благо все, еже добро человечестей даруя жизни. Сему быти веруем, аще священных правил блюдение сохранится. Их же праведно похваляемии и покланяемии самовидцы Божию слову предаша апостоли и святии отцы сохраниша и заповедаша».

Таким образом, вся жизнь – всего общества и каждого человека – будет, согласно Никону, проникнута соборным духом, Божественными законоустановлениями, святоотеческими их протолкованиями. Посредством этого, – собственно этим, – и будет достигнута святость Руси. В этом будет ее спасение...

Стяжание Святой Руси

Святая Русь[28] – образ Небесного Иерусалима, Горнего Сиона. К этим образам тянулась душа Святейшего, а их дух был довлеющим и определяющим во всем миропредставлении и деятельности сперва Никиты, а затем и Никона, сперва священника,

[28] Святая Русь – это образ Божий Руси, это идеальная светлая Божественная икона Руси, это та часть ее, которая на Страшном Суде удостоится Царства Небесного. Святая Русь – это душа Руси, это идеал, к которому призван стремиться народ, вся страна. Святая Русь вместе с тем и икона Святой Земли – Палестины. Она ничего не отнимает у Святой Земли, как образ ничего не может отнять у Первообраза. Святая Земля – первообраз, Святая Русь – образ. Здесь ясно выражено стремление освятить окружающее человека пространство, что можно видеть не только в населенных пунктах, но и на огромных пространствах между ними. Древняя топонимика дает многочисленные примеры палестинских наименований: Иорданы, Фаворы, Елеоны, Сионы, Гефсимании, Вифании и т.д. Русь стремилась охватить, пронизать иконной топографией все обжитое пространство; вся страна представала одной огромной иконой. И это всеобъемлющее иконосие изначально

а затем игумена, архимандрита, митрополита и Патриарха. Эти устремления воплотились в самом грандиозном в истории Православной Эйкумены проекте, призванном сохранить и упрочить ее наследие. Речь идет о шедеврах церковной архитектуры – *Иверском Валдайском, Крестном Кий-островском и Воскресенском Нового Иерусалима монастырях*. Все это обусловливалось кафолическими замыслами Святейшего о Русской Церкви, которые и служили средством их реализации.

Монастыри – образы града Небесного – являли миру действенность и преобразовательную исполнимость закона духовного – закона Божьего в мире дольнем. А жизнь мирская – градская должна им уподобляться. Сообразно этому Никон придавал светской власти и внешнему миру, как может показаться, служебное значение. Но нельзя не обратить внимание на то, что некоторые места этих размышлений прямо напоминают «классическое» определение отношений светской и духовной власти, сделанное Григорием VII Гильдебрантом в письме к Вильгельму Завоевателю. «Мир физический, – писал Григорий VII, – освещается двумя светилами, более значительными, чем другие, – солнцем и луной: в нравственном порядке вещей Папа изображает солнце, а Король занимает место луны»[29]. Без сомнения, источник этого определения у обоих представителей духовной власти, как первого, так и третьего Рима, один и тот же. Недаром им обоим пришлось вести такую упорную борьбу с представителями светской власти. Не напрасно и Никон так был склонен выдвигать на вид законные и незаконные атрибуты папского величия. «Ты ко мне прислал выписку из правил, – упрекал Никона Паисий Лигарид, – а в ней написано о папском суде; но ведь это написано в правилах потому, что в то время Папы были благочестивые, а после того отпали, и ты не прибавил, что после них высший суд предан Вселенским Патриархам». На это Никон отвечал ему: «Папу за доброе отчего не почитать? Там верховные апостолы Петр и Павел, а он у них служит»[30].

В связи с этим еще раз укажем: в Кормчей 1653 г. имеются прибавочные статьи «о Римском падении» и об «учреждении Патриаршества в России»[31]. Но для более четкого понимания умонастроений Никона значение имеет грамота «Вен Константинов». По свидетельству этой грамоты, предоставив Папе и его преемникам пользоваться принадлежностями царского сана, Константин сам вел коня под Папой, уступил ему Италию и переселился в Византию, «так как там, где святительская власть и глава Христианства установлены небесным Царем, недостойно иметь власть земному царю»[32]. Полагают, что эта грамота была уже представлена в защиту имущественных прав Церкви Ивану III на Соборе 1503 г. и самые сильные места в защиту церковных имуществ и суда, помещенные в Стоглаве (гл. 60), также заимствованы из нее. Впервые же в полном объеме она появилась в печати при Святейшем Никоне (ему же принадлежат и отдельные списки этой грамоты)[33]. Она еще долгое время сохраняла свое значение и предъявлялась всякий раз в защиту церковных прав, как только возникала угроза их ограничения, например при Петре Великом или Екатерине II[34].

Патриарх Никон и наследие святых отец: борьба за Кормчую

Святейший Патриарх был ревностным канонистом своего времени. Это подтверждают не только его собственные труды, но и разрешительная 1682 г.

понималось в двух планах, и «иконизация» шла в двух направлениях, устремляясь и к Святой Земле Палестины с ее центром – святым Иерусалимом, и к Иерусалиму Небесному, к Царству Божьему. См.: *Лепахин В.* Новый Иерусалим и Третий Рим: (Топографическая иконичность. Иконотопос Москвы. Иконическое зодчество Патриарха Никона) // К проблеме образования Московского государства: Материалы междисциплинарного семинара 29.01.1999. Сомбатхей, 1999; *Попов Д.Ф.* Первообраз: В 4 кн. (Кн. I: Беспредельное. Кн. II: Первообраз. Кн. III: Воплощение Первообраза. Кн. IV: Абсолютное воплощение Первообраза, или Воплощение Беспредельного). М., 1999.

[29] *Laurent F.* La papauté et I'empire. Epist. VII, 26. P. 171–172.

[30] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. XI. С. 327.

[31] *Розенкампф Г.А.* О Кормчей книге. Изд. I. С. 88, 260.

[32] Вен Константинов // *Терновский Ф.А.* Изучение Византийской истории в Древней Руси. Т. II. С. 134–145.

[33] Там же. С. 145; *Петров.* Судьба Вена Константина в Русской Церкви // Труды Киевской Духовной академии. 1865. № 12. С. 471–488.

[34] *Петров.* Указ. соч. // Труды Киевской Духовной академии. С. 487–488.

грамота Иакова, Патриарха Константинопольского. В ней Никон характеризуется как «столп благочестия неколебаемый, Божественных и священных канон оберегатель искуснейший, отеческих догмат, повелений же и преданий неизреченный ревнитель и заступник достойнейший».

Откуду церковныя законы произошли суть? – спрашивает Святейший своих предерзителей и отвечает: *свыше суть* (разорение 26-го вопроса–ответа). И везде, где бы Никон ни говорил о церковных правилах, он называл их не иначе как Божественными. Кроме того, правила, на которые Никон ссылался, он, как подметил митр. Макарий, «*полной и щедрой рукою черпал из Номоканона и других наших правовых источников*». Так что Никон не только знал Кормчую основательно, но и почитал за Божественную. Став Патриархом, он предпринял неимоверные усилия по ее изданию, чтобы противопоставить введенному в употребление Уложению. Не менее того знавший святоотеческие установления и их толкования, Святейший самым естественным образом жил в их контексте. Это многожды подтверждается не только его поступками, но и той легкостью разрушения всех обвинений, которые воздвигались на него протолкователями правил Церкви и которые, в свою очередь, он называл *сущими суетами*[35].

Принятое в 1649 г. Уложение стремилось установить «*равный суд*» для всех гражданских дел, не исключая и духовенства, подчиненного Монастырскому приказу, в котором рядом с церковными заседали и гражданские лица, постепенно вытеснявшие первых. Духовенство неумолимо утрачивало свои судебные привилегии и подчинялось надзору воевод[36]. В этих новых условиях Царь Алексей Михайлович все же был вынужден делать некоторые уступки как в пользу духовного (церковного) суда, так и в пользу монастырских имуществ.

Житие Святейшего в ряду других документальных источников свидетельствует, что Никон не раз «докучал» Царю, чтобы тот «искоренил проклятую книгу» – Уложение. Он даже не допускал судить духовных лиц в других приказах. «Гражданское законодательство, – по мнению Святейшего, – должно всегда согласоваться с Божественными законами, так как суд в своем начале есть суд Божий, а не царский: он предан людям не человеком, но самим Богом, и ложных законодателей всегда постигает кара свыше (примеры из Священного Писания). Правда, цари нередко преследовали посланников Божиих (Ирод, Нерон), но за то их царства погибли и запустели. И разве не сбылось то же самое на нас? Все города Московского государства постигла моровая язва; сердце Царя смутилось; царское семейство не знало куда бежать. Господь обратил Москву и окрестные города в пустыню; души грешников погибли; ад отверз свои уста; множество славных, богатых и нищих приняли смерть. Так покарал Бог, отмщая за неправду и беззаконие...»[37].

Представление о духовенстве в экклесиологическом аспекте у Никона сливается с понятием о Церкви. По его мнению, духовенство должно занимать в государстве преимущественное положение, должно быть поставлено вне государственной зависимости. «Подчинение духовенства ведению разных приказов, – говорил Никон, – есть дело противное евангельским, апостольским и отеческим правилам, так как духовные лица должны быть наставниками, наставлениями которых все обязаны руководствоваться. Они не могут подлежать и суду Монастырского приказа, так как и там заседают светские лица. *Равный суд*, объявленный Уложением, ведет к тому, что духовенство должно подлежать наказаниям, которые определены для прочих лиц... Но такой суд, каждый из подсудимых, будь то Патриарх, или митрополит, архиепископ, епископ, игумен, священник и до последнего причетника, должны ни во что ставить – попрать закон, как древние мученики, храбро и мужественно боровшиеся против языческого закона. Где написано, чтобы царям, князьям, боярам, дьякам, судьям было возможно судить Патриарха, митрополитов,

---

[35] По этой же причине Никон назвал Номоканон Восточных Патриархов еретическим. Хотя их книга была напечатана в латинских странах, но за этим стояло иное. Так, Вселенские Патриархи были представителями иной герменевтической традиции и умело этим воспользовались, чтобы угодить власть имущим. Подобный пример см.: *Голубев (Калинин) И.Ф.* Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л. 1971. Т. XXVI. С. 294–301.

[36] Уложение. Гл. XII, XIII; *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича Гл. VII; Акты экспедиции. Т. IV. № 115, 175; Т. Ш. № 207; Акты исторические. Т. III. № 162, 223; Дополнения к актам... Т. II. № 64; *Горчаков М.И.* Монастырский приказ. С. 50–65, 73.

[37] Послание Никона к Патриарху Дионисию // Записки русской и славянской археологии. Т. II. С. 517–519.

епископов, игуменов, попов, причетников? Бог грозно карает за посягательство на духовный чин (Саул, Иозия, Мануил, Комнин). Царь имеет власть над царскими людьми, а духовные подлежат суду Божию, который должен быть в руках Патриарха. И всякий мирянин, который ввергает епископа в темницу, или бьет его, или вымышляет на него вину, да будет отлучен»[38].

Относительно церковных имуществ Никон писал: «Священническая часть – Божия часть, и потому отнятие у духовенства пожертвованных вещей и имуществ равняется похищению наследства Божия... За вмешательство Дафана и Авирона в дела скинии, их пожрала земля, потому что они не принадлежали к левитам; царь Иозия простер руку на кивот завета – и был поражен свыше. Так бывает и со всеми, кто посягает на принадлежность Церкви: патриарших, епископских и монастырских слобод мало взяли, а больше погубили своих; взяли тысячи, а погубили тьмы, то от междоусобия и мора, то от войн и других бедствий. Царь может входить в алтарь, когда он приносит дары Богу, а наш Царь не только не делает этого, но даже отнимает у Церкви ей принадлежащее»[39].

В сознании превосходства своей власти Никон писал, обращаясь в Стрешневу: «Ты говоришь, что Царь вручил нам надзор над церковным судом, – это скверная хула и превосходит гордость Денницы; не от царей исходит власть священства, но от священства помазываются на царство; много раз доказано, что священство выше царства... Мы не знаем другого законодателя, кроме Христа. Не давал Царь нам права, а похитил наши права, как ты свидетельствуешь, и все дела его беззаконны». На вопрос князя Одоевского «Зачем Патриарх дает целовать свою руку по-царски?» Святейший Никон отвечал: «Да почто Царь поповы руки целует, которые нами посвящены, и ко благословению приходя, сам главу свою преклоняет? Мы тому чудимся, почему Царь архиереям и иереям нудит руки свои целовать, не будучи архиереем и иереем».

Наконец, Никон дал такое определение светской и духовной власти: «Всемогущий Бог, когда сотворил небо и землю, тогда повелел светить двум светилам: солнцу и луне, и чрез них показал нам власть архиерейскую и царскую: архиерейская власть сияет днем; власть эта над душами; царская – над предметами видимого мира. Меч царский должен быть готов на неприятелей веры православной; архиереи и духовенство требуют, чтобы их защищали от всякой неправды и насилий, что обязаны делать мирские люди. Миряне нуждаются в духовных для душевного спасения; духовные нуждаются в мирянах для внешней обороны; в этом власть духовная и светская не выше друг друга, но каждая происходит от Бога»[40].

В итоге по настоянию Патриарха Никона в 1654 г. *по всем воеводам были разосланы* **выписки из Кормчей** *и велено по ним* **судить уголовные дела**[41]. Историографии известна *грамота Патриарха Никона о невмешательстве градских властей в дела духовные*[42]: «*От Великаго Государя, Святейшаго Никона, Патриарха Московскаго и всеа великия и малыя и Белыя Руссии, в Курск воеводе Семену Семеновичу Рахманову*. Бил нам челом города Курска и Курскаго уезду Богородицкаго монастыря игумен Моисей, да соборных и приходских церквей попы и дьяконы, а сказали: в прошлом-де во 127 году блаженныя памяти Великий Государь Царь и Великий Князь Михаил Феодорович всеа Руссии, для отца своего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, Святейшаго Филарета Никитича, Патриарха Московскаго и всеа Руссии, в Курску десятинныя пашни пахати, и городовых поделок делати, и никаких податей в ево и Государеву казну платить им не велел; и по тому Государеву указу многия лета с них податей не имали, и никаких городовых поделок не делали. А ныне в

[38] Мнения Патриарха Никона об Уложении // Записки русской и славянской археологии. Т. II. С. 126–160; Послание Патриарха Никона к Царю Алексею Михайловичу // *Субботин Н.И.* Дело Никона. Прил. 1.

[39] Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб., 1861. Т. II. С. 449–460, 480, 527, 548.

[40] Мнения Никона... // Записки русской и славянской археологии. Т. II. С. 423–498; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. XI. С. 319–321.

[41] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. III. Прим. 222.

[42] Русская Вивлиофика. Т. 1. № III. С. 24–27; ср.: Грамота Московскаго Патриарха Иоакима к Иосифу, архиепископу Коломенскому и Коширскому, о дополнении к Соборному деянию духовных постановлений, составленному Собором в 1667 г. Писана 1675, мая 27 // Русская Вивлиофика. Т. 1. № XIII. С. 256–264.

Курску воеводы всякиа городовыя поделки велят им делать, и во всем их церковных причетников в наших духовных делах судом ведают, и в тюрьму и в чепь сажают без нашего указа, и на курчан, на дворян и на детей боярских, в губные старосты, и на кружечной двор в головы и целовальники, выборы писати, и к выборам руку прикладывати велят сильно; и государевы таможенныя и кружечнаго двора именничныя недоборныя деньги, и в государевы житницы отсыпной хлеб с курчаны с посацкими и с уездными всяких чинов людьми и на них правят, и в уезды с наказными памятьми, для сбору государевых податей, и для высылки на государеву службу, и для всяких государаевых дел, вместо приставов, без нашего указа посылают; и от того им ставитца теснота и изгоня большая; и многие их братия, с женами и детьми, покинув церкви Божия, бежали в новые города на вечное житие; а в Курску-де и в Курском уезде которыя многие церкви опустели, и с тех церквей правят на них данныя деньги; и нам бы их пожаловать: велеть им о том нам указ учинить и дать нашу грамоту. И мы, Великий Государь, слушав их челобития, пожаловали их: в наших духовных делах игумена, и попов, и дьяконов, и церковных причетников воеводам судить, и к выборам рук прикладывать не велели, и вместо приставов никуда их не посылать. А который воевода попов судил и вместо приставов посылал, и его от Церкви Божия отлучить и со святынею в дом его не входить. А которые Воеводы впредь учнут так же над попами, и над дьяконами, и над церковники чинить, и их потому ж отлучить от Церкви Божией и со святынею в домы их не входить. И как к тебе сия наша грамота придет, и ты б Пречистыя Богородицы Курскаго монастыря игумена Моисея, и соборных, и приходских, и уездных попов и дьяконов, и церковных причетников не судил, и на курчан дворян, и на детей боярских в губные старосты, и на кружечной двор в головы и в целовальники, и ко всяким выборам рук приклядывать им не велел. А буде преж сего всякие таможенные, и хлебные, и всякие недоборы и с тяглыми людьми тягла не тягивали, и податей не давывали, и ты б на них против прежняго Государева указу, правил и тягла имать не велел. А которой воевода игумена, и соборных, и приходских, и уездных церквей попов и дьяконов, и церковных причетников, в наших делах судил, и вместо приставов посылал, или впредь которые воеводы учнут так делать, и их от Церкви Божией отлучить и со святынею к ним в домы их не входить. А прочет сию нашу грамату и списав с нее список слово в слово, оставил бы еси у себя в Съезжей избе, а сию нашу подлинную грамату отдал бы еси игумену Моисею с товарищи впредь для спору. Писана на Москве 7164 июля в 6-й день. *По склейке столбца*: Дьяк Лукьан Голосов. *Адрес:* В Курск воеводе Семену Семеновичу Рахманову. Печать красная. *На куверте*: Печатные взяты».

Этот правовой казус в государственном судопроизводстве и правоприменении совпадает с периодом наибольшего могущества Патриарха Никона, когда Никону был поручен высший надзор за госуправлением. Современники по-своему понимали стремления Святейшего Патриарха Никона, представляя их в более обыденных формах. Они заявляли Царю, что Никон «возлюбил стоять высоко, ездить широко», что «это Патриарх, правящий вместо Евангелия – бердышами, вместо креста – топорками»[43]. В дальнейшем падение Никона и его ссылка значительно смягчили отношение к нему власти и подвластных.

Когда престол наследовал Петр I, идеи и устремления Никона получили иную, более резкую оценку. В рассказе о Святейшем, приписываемом Петру, можно видеть, как тот смотрел на причину падения Никона[44]: «Никон служил и угождал моему родителю, за что и получил от него многочисленныя царския милости, но после заразился

[43] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. XI. С. 293.

[44] Рассказ этот помещен в Записке протоиерея П. Алексеева, представленной им Императору Павлу. По поводу Константинова вена он делает следующее не лишенное интереса замечание: «Что сия жалованная грамата (якобы) Константинова есть фальшивая, о том имеется у меня особливое разсуждение, с подлежащими примечаниями. Однако Никон не просто ее приклеил к Номоканону, но с замыслом об увеличении архиерейской власти и умалении царской – перед народом. Для того, после сея вылганныя граматы, пишет об отпадении ветхаго Рима от Православия, а как новый Рим, т.е. Константинополь, находится под игом турецким, то и следует Патриарху царствующаго града Москвы, яко третьего Рима, вступить в права Папския. Но еще Господь Бог Российских государей так благодати своей не лишил, как Греческих в неразсмотрении излишества» (см.: Русский архив. 1863. С. 92–102; Биография Алексеева // *Сухомлинов.* История Российской Академии. Т. I. Отрицательный взгляд на эту Записку и материалы о Никоне высказаны в статьях Н. Субботина в «Русском вестнике» № 1 за 1864 г. С. 320–333).

духом папскаго властолюбия. Возомнил о себе, что он выше самаго Государя, да и народ тщился привлечь к сему ж зловредному мнению, особливо в публичных церемониях»[45].

Подобный взгляд на Никона высказывал и «птенец» петровских реформ историк В.Н. Татищев, строго относившийся к древним летописцам и средневековым сказаниям. «Писатель истории, – утверждал он, – не стоит веры, если он наполняет свою книгу сверхъестественными делами, баснями и суеверными чудесами, что у древних очень часто находится вместе с действительными происшествиями». Историк строго осуждал автора «Степенной книги» и Патриарха Никона, обличая подделку летописей и исторических сказаний последним в целях поднять авторитет духовной власти в ущерб светской. В.Н. Татищев осуждал митрополитов и патриархов, которые «явно обнаружили стремление приобресть власть над государями»[46]. Он ссылается на мысль времен Царя Федора о необходимости ввести четырех Патриархов, а Никону вручить власть Папы[47]. Татищев радовался, что Петр Великий решил такую великую власть уменьшить и впредь такую опасность пресечь, учредив Синод. По мнению Татищева, духовенство не должно вмешиваться в область гражданских дел – оно должно повиноваться светской власти, которой принадлежит право избирать в духовные чины и осуществлять верховный надзор за духовенством.

Реформы Петра I вызвали коренной поворот в отношениях Церкви и государства. Если в организации имущественных и судебных прав Церкви Петр являлся продолжателем дела своих предшественников, то в политическом отношении Церковь при Петре должна была в значительной степени подчиниться общему направлению его реформ[48]. Еще во время первого своего путешествия по Европе Петр с сочувствием выслушивал советы Вильгельма Оранского – организовать Русскую Церковь на подобие Англиканской, а в 1712 г., будучи в Виттенберге, он сказал перед статуей Лютера следующие знаменательные слова: «Сей муж подлинно заслужил это; он на Папу и на все его воинство столь мужественно наступал для величайшей пользы своего Государя и многих князей, которые были поумнее прочих». И в известных потехах Петра Великого князь-папа и яузский и кокуйский патриарх подвергались одинаковой участи[49].

Но все это уже не традиция святоотеческая, не традиция времен великих и праведных царей греческих и великих князей русских, а законоутвердительное начало ей было положено столь ненавистным Никону Уложением.

Но для истинно православного мироустроения, для христианизации быта нужны начала церковно-канонические, чего решительно и добивался Святейший Никон, утверждая образ Патриарха, который есть «*образ жив Христов*». «Воплощающая в своем сердце полноту Поместной Церкви, – говорил Митрополит Антоний, – облагодатствованная личность почти непроизвольно отрешается от земного самолюбия и, нося в своем сердце Христово достояние, отражает на лице своем Божественную славу, как Моисей Боговидец, сошедший с Синая после беседы

[45] К этому месту прот. Алексеев делает следующее замечание: «Не папская ли то гордость, чтоб Богом венчаннаго Царя учинить своим конюшим, т.е. в неделю Ваий, в подражание неподражаемаго Христова входа в Иерусалим, Патриарх, с великою помпою по Кремлю едучи на придворном осляти, заставлял Самодержца вести подъяремника под усце при воззрении безчисленнаго народа? И по исподнении той пышной церемонии дарил Государю сто рублев денег, якобы для раздачи в милостыню, а в самой вещи для награждения за труды (стыдно сказать) поводильнику. Сему уничижению подвержен был в малолетстве и сам Император Петр Великий, держа повод осля Иакимова, вместе с братом своим, Царем Иоанном Алексеевичем, при такой вербной церемонии. Но после сей нововведенный в Церковь обряд вовсе отставлен по указу того же Монарха» (там же. С. 94–95). Этот обряд вошел в употребление не ранее второй половины XVI столетия и совершался в других городах архиереями. При выходах Царь целовал Патриарха в руку, а он – Царя в голову, обняв ее руками (см.: Патриаршие выходы // Чтения в Московском Обществе истории. 1869. Т. II. С. 7–64).

[46] История Российская. Т. I: Введение. С. 111. Прим. 586; т. II. С. 270. Прим. 314, 429; т. III. С. 502. Прим. 118, 477.

[47] Там же. Т. I. С. 573.

[48] См.: *Милютин В.А.* О недвижимых имуществах духовенства в России. С. 505–527; *Горчаков М.И.* Монастырский приказ. С. 121–246; О земельных владениях Всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода. С. 443–509; *Востоков Н.М.* Святейший Синод и отношения его к другим учреждениям при Петре Великом // ЖМНП. 1875. Т. CLXXX, CLXXXII; Материалы для истории синодального управления в России // Православное обозрение. 1868–1869.

[49] Весьма замечательный в этом отношении материал помещен в «Русской старине» (1872. Т. V. С. 845–892): «Шутки и потехи Петра Великаго». Он содержит собрание собственноручных шутовских церемониалов, высмеивавших Папу и Патриарха.

с Всемогущим. И этой красоты Церкви мы были лишены в продолжении 200 лет сперва через насилие, а потом по недоразумению. Коллегия не может заменить Божьего пастыря, и без главы не бывает Церковь в очах Божиих, но Церковь наша пребывала в двухвековом пленении; ее глава был связан в своих высших полномочиях, был вовсе лишен права их проявлять, так что и узнать его трудно было бы христианам; Церковь Поместная оказалась обезглавленной, а потому она не имела приличествующего ей одушевления; а лучшие ее силы удалялись в леса и пустыни, светильники скрывались под спудом, и люди, лишенные света в храмине, отыскивая свет, бежали ночью из ограды Церкви. ...С (низвержением великого Никона. – *В.Ш.*) и кончиной последнего Патриарха (Адриана) наш быт развил себялюбивые и чувственные начала быта языческого, выработал тип русского нигилиста, из размножения коего возник теперешний, ужасающий всю вселенную безобразный мятеж против родины и против христианской веры» (слова, произнесенные в 1906 г. на заседании Предсоборного Присутствия).

Словом, в восстановлении главы Поместной Церкви митрополит Антоний видел возможность возвращения общественной жизни к истинным христианским началам, подобно тому как лишение ее главы положило начало отступлению от благочестия. «Да будет это возвращение, – говорил он, – еще более славным, чем в древней Руси. Пусть возродится прежняя ревность о спасении, прежнее евангельское смиренномудрие и воздержание, искренность и всепрощение, но обогащенные более зрелым разумом, науками и общественным развитием. И да воссияет снова над землей нашей церковная Божественная слава, и исполнится наша ежедневная молитва». В своих сочинениях о восстановлении Патриаршества он напоминал, что Патриаршество не ограничение самодержавия, а самая надежная его опора, так что нет нужды делать выбор между этими двумя священными симпатиями русского народа. Ведь и тому и другому учреждению сопутствует одно и то же направление мысли.

* * *

Заключая, отметим: деятельность Святейшего Никона по распространению законов церковных на пределы жизни гражданской, идея воцерковления всего строя жизни человеческой и соответственно государственной столь же естественны, сколь и факт самой жизни, ибо начало ее – любовь Божия к своему творению, пусть даже оно, это творение, падшее и пребывает во грехе. Противодействие греху – святой долг и пастыреначальника, и помазанного на царство, ибо в их общем и отдельном в меру свою каждого усердном делании Истина утверждается.

Сообразуясь с потребностью своего времени и со значением Кормчей в Православной Эйкумене, он издал ее[50], надеясь на удержание гражданско-церковного общежития, а через то и государственно-церковной симфонии в святоотеческой традиции, не считая возможным принимать для Церкви никакое другое законодательство.

Важно заметить, что такая позиции Святейшего в менявшихся условиях заявила и последовательно отстаивала принцип разделения Церкви и государства по их сущностным основаниям и соответствующему положению и действию в мире, единство которых может быть обеспечено лишь как симфоническое.

Так, в Разорении (26-й вопрос–ответ) Никон, свидетельствуя о неравнозначности оснований Церкви и государства, впервые в истории отечественной мысли говорит об институциональной равнозначности законов как таковых. Но, указывая на равность узаконений греческих Царей по делам Церкви и правил св. Апостол, Вселенских и Поместных соборов и свв. отцев, считает их неприкосновенными. Этой своей позицией Патриарх подвигал общество к формированию системы прецедентного права, при которой изменение общественно-церковных законов возможно лишь в их преемственном развитии, не нарушающем их фундаментального – Божественного – источника. Таким образом, мы можем говорить о начатках теоретического осмысления, способного породить методологию, соответствующую национально-культурным особенностям и традициям.

Это явление-факт дает основание к пониманию того, почему Русь (соответственно и Россия) так и не создала философских систем права как таковых, за исключением религиозно-философских течений, которые по аналогии могут быть отнесены к досхо-

[50] Кормчая. М., 1653; перепечатывается в 1787, 1804 и 1816 гг.; новые издания: 1834, 1839, 1843 гг. См. также: *Розенкампф Г.А.* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. СПб., 1839; О первоначальном составе славянской Кормчей // Христианское чтение. 1846. Ч. IV; 1851. Ч. I.; Рукописная Кормчая XV века // Православный собеседник. 1860. Ч. I, II; и др.

ластическому периоду, а также к восприятию того обстоятельства, что Русь до сих пор являет, как правило, идеографические научные успехи. Открываются также возможности к осознанию того, что Русь в своем историческом развитии до сих пор остается в Средневековье, не создав своей национально-культурной научной традиции, на основе которой способны возникать последующие историко-культурные прорывы. Те же исторические заимствования у других культур, которые ассимилируются русской традицией и посредством которых Русь включается в цивилизационное взаимодействие, как раз и не позволяют на равных вести цивилизационный диалог. Дело ограничивается локальным взаимодействием на этнонациональном уровне.

Определенным подтверждением сказанному могут служить попытки отечественной научной традиции подойти к анализу-описанию судного «дела Никона». Все они сведены к описанию обстоятельств, но ни в одном не раскрыта суть происшедшего. Сегодня мы можем удивляться в связи с этим и тому, что дела великого Святителя для Церкви, общества и государства даже не обобщены и не оценены. Исследования-описания его жизни так и остались описаниями. При этом большая их часть – это «Судное дело», как будто данный процесс и есть главная заслуга Никона...

О чем же можно говорить спустя 350 лет?

1) Имеется фундаментальное исследование на архивных и исторических материалах профессора Оксфордского университета А. Стэнли: *Stanly A.* Palmers dissertations on subjects relating to the Orthodox or Eastern Communion. London, 1853; а также *Theiner.* L'Eglise schismatique Russe d'après les rélations récentes du prétendu Saint-Synod. Paris, 1864; *Palmer W.* The Patriarch and the Tsar. V. 1–6; History of the Condemnation of the Patriarch Nicon by a Plenary Counsil of the Orthodox Catholic Eastern Church, held at Moscow A.D. 1666–1667. Written by Paisius Ligarides of Scio. London, 1871–1876. Можно говорить также о фундаментальном исследовании на основе труда Пальмера и других иностранных источников. Таковы: *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи: В 3 т. Варшава, 1931–1939.

2) *Ундольский В.М.* Отзыв Патриарха Никона об Уложении Царя Алексея Михайловича: «Новые материалы для истории законодательства в России с замечаниями Вукола Ундольского». 1859 г. // Богословские труды. 1982. № 23; *К–в. В.* Взгляд Никона на значение Патриаршей власти [на основании «Возражения», по рукописи Новгородской Софийской библиотеки, принадлежащей ныне Санкт–Петербургской Духовной академии. № 1371) // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. № 12; *Гиббенет Н.А.* Историческое исследование дела Патриарха Никона: В 2 ч. СПб., 1882–1884 [по материалам Главного Архива МИД (документы судного «Дела Никона»)].

3) Первые и наиболее серьезные описания жизнедеятельности, взглядов и аксиологии Патриарха Никона в отечественной науке с привлечением самого широкого круга источников: *Михайловский С.В.* Жизнь Святейшего Никона, Патриарха Всероссийского. М., 1863, 1878, 1895, 1896, 1907; *Шмидт В.В.* Патриарх Никон. Труды. М., 2004; *Дорошенко С.М.* Никон, милостью Божией Патриарх Московский: летопись жизни и деятельности (Истра, 1999. ГПБИ; ИНИОН РАН, ркп.)[51]; *Воробьева Н.В.* «Историко-канонические и богословские воззрения Патриарха Никона» (Омск, 2008).

Литературное наследие Патриарха Никона введено в научный оборот, таким образом, только в начале XXI в.

© Шмидт В.В.

[51] См. также плагиат-издание: Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности Патриарха Никона». СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2003. Рукопись С.М. Дорошенко в ходе ее рецензирования Г.М. Зеленской, заместителем директора по науке Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим», была передана для редактирования исследовательнице эпистолярного наследия Патриарха С.К. Севастьяновой, которая опубликовала ее под своим именем, дополнив составленной В. Шмидтом описью «Судного дела» (РГАДА) и личным исследованием «"Наставление царю" Патриарха Никона».